

16. Сборник нормативных документов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования / Сост. Э.Д. Днепров, А.Г. Аркадьев. М.: Дрофа, 2004.

17. Совещание-семинар «Перестройка обществоведческого и исторического образования в РСФСР в условиях государственного суверенитета // Преподавание истории в школе. 1991. № 3. С. 132 — 143.

18. Студеникин М.Т. Методика преподавания истории в школе: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000.

19. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. М.: Просвещение, 2009.

20. Элиасберг Н.И. Обсуждение концепции школьного исторического образования в Ленинграде // Преподавание истории в школе. 1990. № 4. С. 148 — 149.

21. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/rossiya-izuchayut-vseobshchuyu-istoriyu> (дата обращения: 5 марта 2013 г.).

УДК 94

ББК ТЗ

ГСНТИ 03.01.07

Код ВАК 07.00.09

И.В. Побережников

Екатеринбург

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: НАСТОЯЩЕЕ (БУДУЩЕЕ) В ПРОШЛОМ?»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторический опыт, социальная память, методологический индивидуализм, постмодернизм, конструктивизм, преемственность, институты, идентичность

АННОТАЦИЯ: В статье на основе теории структуризации дана критика подходов, отвергающих возможность актуализации исторического опыта. Выделяются три варианта исторического опыта: онтологический, инструментальный, идентификационный. Обоснована значимость исторического опыта в качестве теоретической основы строительства современного общества.

I.V. Poberezhnikov

Yekaterinburg

«HISTORICAL EXPERIENCE: PRESENSE (FUTURE) IN THE PAST?»

KEY WORDS: Historical experience, Social memory, Methodological individualism, Postmodernism, Constructivism, Continuity, Institutes, Identity

ABSTRACT: The article is devoted to the criticism of the approaches rejecting possibility of actualisation of historical experience. The fundamental basis of this criticism is the theory of structuration. Three variants of historical experience are allocated: ontological, instrumental, identificational. The importance of historical experience as a theoretical basis of constructing of a modern society is proved.

Выдающийся представитель эпохи Возрождения Леонардо да Винчи считал опыт единственным критерием истины. Очевидна огромная роль опыта в жизни индивида, который предпочитает опираться в своих действиях не на инстинкты, а на положительные или негативные знания (опыт), накопленные в результате собственной предшествующей деятельности. Но возможно ли говорить об историческом опыте в целом, опыте поколений, наций, государств. Согласно определению акад. РАН В.В. Алексева, исторический опыт – «это преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого и функционирования социума в окружающей среде, ориентированные на выявление закономерностей общественного развития, на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решения проблем современности» [1. С. 17].

Существует ряд традиций, отрицающих саму возможность исторического опыта. *Во-первых*, это «бытовое» представление об исторической науке, позитивистское по сути, сводящее познание к поиску фактов и их описанию, по возможности литературному. Обыкновенно сторонники такого подхода скептически относятся к теоретическим осмыслениям, методологии, сводят последнюю к набору инструментов, порой даже не подозревая, насколько априори теоретизировано историческое познание, как глубоко методология встроена в сам процесс исследования и как часто (фактически постоянно и повсеместно, пускай порой также неосознанно, как неосознанно прозой говорил мольеровский господин Журден) историк прибегает к методологическим приемам, которые имеют весьма сложную и иерархизированную природу, не позволяющую представлять их в виде «ящика с отмычками».

Во-вторых, почву для негации исторического опыта представляет методологический индивидуализм (номинализм), основной вклад в обоснование которого внесли философы, экономисты, социологи. Согласно данному подходу, история уникальна, поскольку творится уникальными существами – людьми, и, естественно, не может быть объяснена как целое, как единый процесс, как утверждал один из сторонников методологического индивидуализма Р. Арон в работе «Введение в философию истории», опубликованной еще в 1938 г. [3]. «История, — писал Р. Арон, — свободна, ибо она заранее не написана и не детерминирована, как природа или фатальность; она непредсказуема, как человек для самого себя». Из такой посылки вытекает невозможность прогноза будущего на основе анализа опыта прошлого.

В действительности, однако, представление об уникальности исторических явлений и процессов является сильным преувеличением, поскольку человеческие действия в процессе социального взаимодействия рутинизируются, типизируются, резюмируются в определенные культурные и социальные нормы, которые с различной степенью жесткости регулируют поведение индивидов; реакции большинства людей на те или иные внешние факторы подвергаются стандартизации.

«Антропогенный акцент» истории, лежащий в основании методологического индивидуализма, не следует абсолютизировать еще и потому, что на самом деле результирующая реальной истории всегда дистанцирована от того, что планировали участвовавшие в ней субъекты (согласно цитате из песни, принадлежащей британскому певцу, поэту и композитору Джону Леннону, «жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты оживлённо строишь другие планы» (“Life is what happens to you while you're busy making other plans”). Современность лишь подтвердила с неумолимостью данную максиму («оранжевые революции», «арабская весна»).

В-третьих, конечно, попытки актуализации исторического опыта несовместимы с субъективизмом и релятивизмом, следующими из постмодернистской установки, согласно которой никакой дискурс (рассказ или наррация; в том числе и историческое исследование) не может являться объективным или более достоверным, чем другой. Постмодернистская позиция превращает гуманитариев в писателей-беллетристов, интересующихся не научной исти-

ной, а художественной правдой, а историография сводится к текстуальному измерению и лишается познавательной в строго научном смысле ценности. Из этого, между прочим, следует «одинаковая правомерность» и «приемлемость» худших расистских и сексистских предубеждений и самых реакционных социальных теорий в качестве образцов отражения или анализа окружающей действительности [наиболее непримиримая критика постмодернизма представлена в работе: 9].

Постмодернистское «выплескивание» души и сердца порой приводит к созданию занимательных шедевров, если их авторы обладают глубоким и завораживающим внутренним миром, однако ученых в любом случае в конце концов интересует предметная социальная реальность, а не внутренние переживания «исследователей», какими бы увлекательными они ни были.

На первый взгляд, *в-четвертых*, реконструкции исторического опыта противоречит связанный с постмодернизмом конструктивистский подход, согласно которому дифференциация обществ на традиционные и современные квалифицируется как искусственная, а «традиция» объявляется по преимуществу изобретением XIX—XX вв., конструируемым зачастую государством при участии ученых. Пафос данного подхода, вроде бы, лишает почвы попытки поиска связей между прошлым и будущим, мобилизации исторического опыта. В действительности это не так. Исторический опыт ни в коем случае нельзя редуцировать только к традициям, нормам, да и вопрос об удельном весе «сконструированных» традиций еще нуждается в дальнейшем обсуждении.

Адекватную научную основу для обсуждения темы исторического опыта дает современная структурационная теория, которая ориентирует исследователей на анализ взаимодействий между унаследованными социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.) и действиями исторических агентов, наделенных волей и свободой выбора, между структурной детерминантностью и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений [4; 11]. Сторонники структурационного подхода, таким образом, стремятся оценить вклад в обеспечение исторической динамики как структур, так и социальных действий, гармонизировать взаимодействие этих фундамен-

тальных социальных факторов, замкнув их в своего рода логическом цикле структуриации.

Опираясь на теорию структуриации, можно выделить несколько разновидностей исторического опыта. Первую можно определить как **онтологический исторический опыт**. Имеется в виду общее воздействие предшествующих эпох и состояний на последующие (прошлого – на настоящее и будущее). Вряд ли сегодня возможна речь о жесткой детерминантности, о «железной» детерминации настоящего прошлым, но тяготение «рока» прошлого над моментом настоящего историки-исследователи всегда ощущают и замечают («тени забытых предков»). Созданное предшествующими поколениями наследие – технологии, материальные и институциональные инфраструктуры, геополитические и символические ландшафты и т.д. – несомненно устанавливают рамки для современной деятельности исторических персонажей. Последние могут внести много нового в унаследованное состояние, его модифицировать, трансформировать, тем не менее, вероятностное давление прошлого на последующее развитие будет несомненным, причем оно будет накладывать отпечаток и проявляться и через персональную деятельность, поскольку историю делают люди, но не абстрактные люди («человек экономический», «человек рациональный»), а «отягощенные» собственным индивидуальным историческим опытом, который влияет на их мировосприятие, поведенческие установки, жизненные стратегии.

В рамках онтологического исторического опыта можно рассуждать о «зарождении», формировании «настоящего» (и «будущего») в «прошлом», об исторических факторах, причинах, предпосылках. При этом необходимо быть сдержанным, не преувеличивать порождающую силу истории, поскольку генезис объекта еще не дает понимания самого объекта. Как остроумно выразился известный русский литературовед А.П. Скафтымов, «из желудя не поймем дуба, из динамо-машины и проводов не увидим электрического света, из органической химии не узнаем живых организмов, из знания нервных и мозговых процессов не получим живого душевного переживания, из условий наследственности, воспитания и среды не узнаем живого человека и его конкретности, — хотя между всем этим есть причинная связь» [8. С. 23]. Данное рассуждение вполне применимо к историческим процессам, прони-

занным, с одной стороны, преемственностью, с другой стороны, знакомым с дискретностью.

Важная составляющая онтологического исторического опыта – институциональная, фундамент которой создается в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно надстрановые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д. По существу речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней).

Неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения) являются главной частью институциональной системы, напоминая невидимое основание айсберга. Они склонны к устойчивости, трансформируются очень медленно (путем инкрементальных изменений – «малых приращений»), сопротивляются резким изменениям, переносу чуждых институтов из других обществ или культур. Вследствие этого, линия последующего развития всегда задана всей предшествующей институциональной историей общества. Современная институциональная теория объясняет эффект институциональной преемственности свойством возрастающей отдачи институтов (влияние института на общество возрастает прямо пропорционально длительности существования самого института и количеству людей, деятельность которых ему подчиняется) и сетевыми эффектами (ско-

ординированной взаимосвязанностью существующих, устоявшихся институтов) [7]. Однажды выбранную институциональную траекторию трудно покинуть [5; 6], следствием чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. Каковы наиболее важные измерения неформальной институциональной системы, значимые для выбора цивилизационной траектории модернизации? Похоже, это: 1) степень отождествления с другими членами общества, т.е. радиус доверия или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям, прибыли [10]. Как полагает известный американский социолог Л. Харрисон, указанные факторы «вытекают из общего мировоззрения и представления об обществе, из того, что социологи называют “когнитивной ориентацией” или “когнитивным представлением”. Эти представления формируются географическими и историческими факторами. ... Анализ этих четырех факторов поможет прояснить связь между ценностями и прогрессом» [10. С. 19].

Уже проведенные исторические исследования свидетельствуют о том, что онтологический исторический опыт – реальность. Так, академик В.В. Алексеев в трудах, посвященных российской модернизации XVIII—XX вв., продемонстрировал значимость цивилизационных констант на длительной исторической протяженности, несмотря на кардинальные изменения, значительную модификацию форму (сохранились такие константы как масштабы территории, климатическая специфика, незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, самобытность, оригинальность культуры и традиций, полиэтничность и многоконфессиональность, политическая самостоятельность, своеобразие форм государственного устройства, экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм, мобилизационный тип развития; некоторые переменные наполнилась новым содержанием: справедливость – уничтожение эксплуатации человека человеком; всеединство и миссионизм – «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Святая Русь», «Царство Божие на земле» – коммунизм; и т.д.) [2. С. 14—24]. Проведенное Алексеевым исследование доказывает устойчивость цивилизационных основ, которые не могут зачастую поколебать даже волны модернизации.

По нашему мнению, главное значение онтологического исторического опыта состоит в предупреждении исторического произвола, безудержного реформизма и скатывания в революционный радикализм, в демонстрации формата тех исторических «коридоров», которые структурируются прошлым.

В качестве второй разновидности можно выделить **инструментальный исторический опыт**. В основе его лежит повторяемость, функционирование в истории на разных ее стадиях, в различных исторических и пространственных условиях схожих механизмов, процессов, проектов и т.д. Что дает инструментальный исторический опыт? Он дает, посредством сравнения, ценную информацию, как положительную, так и отрицательную, о диапазонах, режимах, последствиях деятельности тех или иных исторических механизмов, о возможностях и границах волевого вмешательства в такую деятельность. Такой инструментальный исторический опыт может сослужить ценную службу сегодня в условиях постоянного ориентирования на модернизацию, опыт которой применительно к различным регионам мира весьма богат и неплохо изучен. В частности, сегодня снова актуализируется тема анклавно-«прорывного» развития, в связи с чем требуется серьезный анализ перспектив концентрации усилий на отдельных направлениях научно-технологических прорывов.

Исторически известные модернизации в своем большинстве включали мобилизационные механизмы и являлось по сути догоняющими. В связи с этим вопрос о своеобразии мобилизационных механизмов в контексте страновых и региональных вариантов модернизации заслуживает внимания. Можно, вероятно, говорить о двух уровнях мобилизации, которые в разной степени присутствуют в конкретных обществах. Первый – фундаментальные институционально-культурные структуры, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций. Подобные ментально-ценностные структуры обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную. Другой уровень мобилизации обеспечивается политико-идеологическими механизмами (разработка стратегии национальной модернизации, индустриализации, национального строительства и т.д.). Они зачастую компенсируют недостаточную эффективность цивилизационно-

культурных мобилизационных механизмов. Значимость политико-идеологических механизмов возрастает в эпохи войн, национальных катастроф и т.п. Отдача подобных механизмов существенно повышается, если удастся обеспечить не только мобилизацию ресурсов для ускоренного развития, но и заинтересованность как можно большей части общества в осуществлении модернизационного проекта. Ценность инструментального исторического опыта состоит в том, что он может быть использована в процессах инкрементального общественного реформирования.

Третья разновидность исторического опыта может быть определена как **идентифицирующая**. В основе ее лежит социальная память, фундаментальную значимость которой подчеркивает необычный триллер Кристофера Нолана «Memento» («Помни», 2000). Заболевание, которым страдает главный герой, — это крайне редкая форма расстройства памяти, при которой человек не способен запомнить ничего нового и хранит информацию только в кратковременной памяти — в зависимости от степени повреждения сегментов мозга от минуты до получаса (антероградная амнезия). В результате больной превращается «в десятиминутного человека», настоящее которого является просто вырванным эпизодом, без привязки к прошлому и каким-то намёкам на будущее. Такой человек «без будущего» легко становится объектом внешнего программирования со стороны желающих-манипуляторов, ведущих героя к трагической развязке.

Если спроецировать данную ситуацию на общество в целом, хорошо понимаешь экзистенциальную значимость исторического опыта, знания себя и своего места в мире, ибо такое знание придает смысл национальному развитию, обеспечивает общество национальной идеей (последняя в этом смысле действительно спонтанно вырастает «из истории», социальной памяти, исторического опыта). Понятнее становится и неудача «строительства» новой российской идентичности на основе огульной критики прошлого, в частности, советской эпохи. Очернение этого исторического периода в жизни страны ведет лишь к росту внутренних противоречий в самом российском обществе.

Литература:

1. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.
2. Алексеев В.В. Российская модернизация в цивилизационном измерении // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 14–24.
3. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.-СПб., 2000
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
5. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 139—150.
6. Дэвид П. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 183—207.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
8. Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М, 2007.
9. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.
10. Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008.
11. New Perspectives on Historical Writing. Ed. by P. Burke. Cambridge, 1993. P. 233—248.